

Вознесенские Казармы

Вып. 2

Коллектив авторов

Вознесенские казармы. Выпуск 2

«БИБКОМ»

2013

УДК 81(082)
ББК 81я43

Коллектив авторов

Вознесенские казармы. Выпуск 2 / Коллектив авторов —
«БИБКОМ», 2013

ISBN 978-5-8397-1002-3

Предлагаемый читателю альманах содержит материалы по актуальным
проблемам лингвистики, литературоведения, коммуникации, рекламы.

УДК 81(082)
ББК 81я43

ISBN 978-5-8397-1002-3

© Коллектив авторов, 2013
© БИБКОМ, 2013

Содержание

От редколлегии	5
ФИЛКОМ СЕГОДНЯ И ЗАВТРА. СЛОВО ДЕКАНА	6
Направления участия факультета в развитии региона	6
ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ	11
Наименования людей по особенностям общения	11
К вопросу о феминизации названий профессий во французском и русском языках	15
Ценностные параметры лингвоэкологического общения	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Вознесенские казармы. Выпуск 2

От редколлегии

Второй выпуск «Альманаха» (2013 г.) включает разделы *Проблемы современной лингвистики, Проблемы современного литературоведения, Проблемы современной коммуникации, рекламы, PR; Проблемы организации учебного процесса, Рецензии*, а также раздел *Хроника*, где рассказывается о новостях жизни факультета.

«Альманах» представляет собой межвузовское продолжающееся издание. В этом выпуске альманаха, кроме сотрудников факультета филологии и коммуникации, участвуют ученые разных вузов Ярославля, а также авторы из Воронежа, Нижнего Новгорода, Борисоглебска, Оренбурга, Сургута. В дальнейшем география участников, несомненно, расширится.

Публикуются в нашем «Альманахе» как солидные ученые, имеющие ученые звания и степени, докторанты, так и пока не имеющие их – преподаватели, аспиранты, соискатели, студенты и магистранты, а также просто «сочувствующие» факультету, тяготеющие к нему и филологической проблематике вообще.

Единственным критерием для включения публикации в «Альманах» является интересное содержание работы.

«Альманах» – не чисто научное издание, мы задумали его как научно-публицистический, литературно-художественный и научноинформационный ежегодник. Важное место мы отводим в «Альманахе» хронике жизни факультета – мы публикуем информацию о событиях в факультетской жизни, о том, чем живет факультет сегодня, а также хронике литературной и культурной жизни университета и факультета.

Приглашаем всех к участию в нашем альманахе, а также ждем предложений по новым интересным рубрикам для нашего «Альманаха». Электронный адрес главного редактора – sterninia@mail.ru, заместителя главного редактора – mshamanova@mail.ru.

ФИЛКОМ СЕГОДНЯ И ЗАВТРА. СЛОВО ДЕКАНА

Направления участия факультета в развитии региона

А. И. Василевский

декан факультета филологии и коммуникации

Прошлый год оказался самым сложным и напряженным в нашей недолгой истории. Это вызвано системным характером и принципиальной новизной стоявших перед факультетом задач и необходимостью их одновременного решения в сжатые сроки в условиях незаконченного процесса формирования кадрового состава, других элементов учебно-методического обеспечения учебного процесса, его материальной базы. Вместе с тем итоги работы можно кратко характеризовать как вполне успешные. Профессорам и преподавателям, всему коллективу факультета удалось обеспечить необходимый уровень работы с учетом современных требований к высшей школе. Принятая на факультете система организации учебно-воспитательного процесса также выдержала в целом непростой экзамен на профессионализм. Об этом свидетельствует официальный отзыв эксперта и заключение Государственной аккредитационной комиссии.

Между тем наша деятельность на этом не заканчивается. Программа развития факультета на 2012–2016 годы, одобренная Ученым советом ЯрГУ в декабре 2011 г., ставит еще более сложные задачи. Имеется в виду не только *продолжение работы по направлениям*, получивших уже оценку независимых экспертов, но и решение принципиально иного класса задач, опыта участия в реализации которых мы пока не имеем. Я имею в виду работу за пределами факультета на уровне Ярославской области и в дальнейшем на уровне Верхневолжского региона в целом. По ряду причин мы считаем, что с каждым годом ответственность региональных образовательных структур за это направление деятельности объективно будет возрастать. Это связано, по нашему мнению, со следующими обстоятельствами:

во-первых, по мере все большей вовлеченности федеральных органов власти в решение глобальных проблем постоянно повышается значимость тех задач, которые центральное правительство не может решить самостоятельно и возлагает ответственность за них на региональный уровень;

во-вторых, их успешное решение предполагает комплексный системный характер действий по их реализации, планирование в масштабах региона всех видов ресурсов, используемых для этих целей, включая все направления административно-организационной, социально-экономической, хозяйственной и других сторон общественной жизни;

в-третьих, в современных условиях мировой тенденцией является возрастание роли гуманитарной составляющей общественного прогресса в центре и на местах. Имеются в виду вопросы, связанные с определяющим влиянием человеческого фактора на достижение наиболее ощутимых конечных результатов развития той или иной страны и, соответственно, сфер и отраслей, обеспечивающих его эффективность: образования, здравоохранения, социально-культурной среды и др. Данные исследований показывают, что именно человеческий фактор («человеческий капитал») с конца прошлого века в развитых странах превратился в главный источник социально-экономического развития общества;

в-четвертых, обеспечить соответствие их уровня и форм реализации реальным потребностям общества оптимальным образом становится возможным только в современных крупнейших региональных научно-учебных центрах, где сосредоточены высококвалифицированные и наиболее подготовленные кадры по каждому направлению подготовки, имеющих устояв-

шиеся двусторонние связи с самыми известными международными учреждениями подобного профиля. В условиях продолжающейся реформы высшей школы одним из косвенных ее результатов в настоящее время и, по-видимому, в обозримом будущем является существенное сокращение филиалов высших учебных заведений, а также оптимизация численности вузов и соответственно факультетов, готовящих кадры для родственных направлений и специальностей. Эта тенденция неизбежно затронет и наш регион, поэтому ответственность оставшихся образовательных структур за конечные результаты будет значительно выше.

В Программе развития факультета предусмотрен комплекс соответствующих мер, изложенных в разделе «Деятельность и продвижение услуг в регионе». Они охватывают широкий спектр направлений и конкретных форм, обеспечивающих многостороннее воздействие на развитие Ярославской области в соответствии с возможностями факультета. Здесь имеется в виду не только традиционное обеспечение образовательной и просветительской деятельности по профилю факультета, например, подготовка специалистов и научно-педагогических кадров высшей квалификации или повышение квалификации различных категорий граждан в различных сферах прикладной филологии и др.

Мероприятия включают и специальные задачи, эффективное решение которых выходит за рамки непосредственно культурно-образовательной деятельности и вплотную влияет на развитие социально-экономической среды региона. Например, разработка программы «Иностранный язык в специальных целях», организация курсов коммуникативной подготовки для государственных служащих, общественных и коммерческих организаций, населения, консультирование и составление индивидуальных рекомендаций по формированию имиджа, редактированию текстов, осуществление услуг по лингвистической экспертизе и др.

Особое направление в деятельности факультета должно быть связано с участием в областной программе, направленной на преодоление противоречий, культурной и языковой адаптации русских иммигрантов. На территории региона сформировались и развиваются несколько достаточно многочисленных диаспор. В ряде случаев местным властям и населению приходится сталкиваться с серьезно различающимися навыками коммуникативного поведения в общественной и в межличностной сфере, искать пути толерантного решения вопросов межкультурной коммуникации.

Особого внимания заслуживает ситуация, сложившаяся в образовательных учреждениях, где в группах обучающихся (учащихся средней школы и студентов) с каждым годом увеличивается число лиц, недавних переселенцев из ближнего зарубежья, которые, недостаточно владея русским языком, не могут претендовать на необходимые качественные показатели в области школьного и вузовского образования, оказываются часто в определенной языковой и социокультурной изоляции, что создает взаимную неудовлетворенность руководства учебных заведений и представителей диаспор в решении вопросов образования и воспитания.

В этой связи необходимо искать инструменты гармонизации сложившейся этнокультурной ситуации, создавать комфортные условия существования национальных общин и межкультурного диалога в образовательном и социокультурном пространстве региона.

Различие и взаимосвязь обоих направлений деятельности в самом общем виде проявляются следующим образом. С одной стороны, удельный вес специальных задач в общей проблематике ответственности филологического факультета в современных условиях постоянно возрастает, как и значение русского языка в целом, а не только в отдельном регионе. Судя по всему, это объективная потребность общества. Иначе трудно объяснить появление Закона о русском языке и специальной Федеральной целевой программы «Русский язык», действующей с 2007 г.

С другой стороны, очевидно, что подобное деление весьма условно, поскольку базируется на общих фундаментальных основаниях, формирующих языковую личность, и ставит своей задачей исключительно практические цели: определить особые инструменты и формы их вза-

имодействия для решения конкретных вопросов в границах тех или иных территориальных границ. В масштабах региона они, как известно, формируют языковую среду местности или вид коммуникативного пространства, в которой реализуется общение.

В условиях возрастания уровня ответственности факультета за решение региональных проблем целесообразно, по нашему мнению, определить особый круг вопросов, касающихся целей, направлений и форм такого участия и рассматривать их как специальную программу «Языковая среда региона». По-видимому, ее основные цели можно сформулировать следующим образом:

- формирование языковой среды региона в соответствии с современными представлениями наук, изучающих коммуникативные процессы в обществе и ориентированных на практическое применение филологических знаний в различных сферах жизни;
- сохранение и упрочение статуса русского языка и русской культуры в регионе;
- участие в создании и деятельности Координационного совета по поддержке образовательных и социокультурных инициатив в области языковой политики, этнокультурного развития и межкультурного взаимодействия представителей разных национальностей, в том числе направленных на создание благоприятных условий для решения вопросов языковой политики и культурной адаптации мигрантов в Ярославской области;
- обеспечение в соответствии с потребностями региона кадров для сферы управления, производства, образования, культуры, науки и других видов работ, требующих филологического сопровождения основной деятельности, а также специальной филологической подготовки в области массовой коммуникации на русском и иностранных языках;
- методическое сопровождение межкультурной и международной коммуникации, филологическое обеспечение международных проектов в вузе и регионе.

Основные направления и формы деятельности

1. Научная и организаторская работа.

1.1. Продолжение и расширение сферы деятельности научнообразовательного центра «Язык и текст в современном обществе» с входящими в него лабораториями, в том числе «Культура речи в современном обществе», «Русский язык в поликультурной среде», обеспечивающими реализацию Программы «Языковая среда в регионе».

1.2. Анализ и обобщение данных по уровню речевой культуры жителей различных возрастных, социальных и профессиональных групп носителей языка Ярославля и области.

1.3. Анализ состояния и функционирования русского языка в региональных средствах массовой информации.

1.4. Этносоциальные наблюдения за функционированием русского языка в речевой практике двуязычных его носителей в регионе.

1.5. Подготовка специалистов и научно-педагогических кадров высшей квалификации через магистратуру и аспирантуру.

1.6. Повышение квалификации сотрудников вузов, государственных и коммерческих учреждений, различных категорий граждан в различных сферах прикладной филологии.

1.7. Участие в создании и деятельности Координационного совета по поддержке образовательных и социокультурных инициатив в области языковой политики, этнокультурного развития и межкультурного взаимодействия представителей разных национальностей в социокультурном пространстве региона.

1.8. Организация постоянной консультационной помощи в освоении русского языка и русской культуры семьям мигрантов.

1.9. Информационная и организационная поддержка в открытии пунктов консультационной помощи для представителей национальных сообществ на базе учреждений города Ярославля.

1.10. Продолжение работы по созданию регионального банка данных в области лингвострановедения.

1.11. Организация курсов коммуникативной подготовки для государственных служащих, общественных и коммерческих организаций, населения.

1.12. Консультирование и составление индивидуальных рекомендаций по формированию имиджа, рекламе, созданию и редактированию текстов.

1.13. Осуществление услуг по лингвистической экспертизе текста и др.

1.14. Изучение истории региональной литературы и её места в истории русской культуры, разработка базы данных «Литературный Ярославль».

2. Работа по оценке качества и уровня владения русским и иностранными языками.

2.1. Разработка квалификационных требований по уровням владения нормами русского языка, иностранными языками работниками государственных учреждений, в том числе в области управления, образования и культуры.

2.2. Разработка и апробирование тестовых заданий по курсу «Русский язык и культура речи» для входного и итогового тестирования студентов первого курса в вузах региона в рамках изучения предмета «Русский язык и культура речи».

2.3. Разработка тематики, содержания и методики проведения систематических тренингов для деловой и политической элиты региона по деловой коммуникации и культуре речи.

2.4. Оказание консультативной помощи иностранным гражданам и проведение тестирования по русскому языку для иностранных граждан, работающих или обучающихся в регионе.

3. Русский и иностранные языки в системе образования различного уровня.

3.1. Участие в проведении круглых столов и семинаров для преподавателей при обсуждении современных концепций языкового образования в соответствии с требованиями государственных образовательных стандартов.

3.2. Подготовка учебно-методических материалов о роли русского языка как языка межнационального общения, материалов, обеспечивающих адаптивный уровень усвоения русского языка как неродного в образовательных учреждениях, где учатся представители национальных диаспор.

3.3. Изучение проблем межкультурной сферы, межкультурной коммуникации в регионе, анализ потребности региона в знании иностранных языков в сферах управления, образования, производства, науки и культуры.

3.4. Разработка программы «Иностранный язык в специальных целях» для формирования общего регионального пространства применения современных методик и технологий изучения и использования иностранных языков, создание совместных ресурсов для представителей различных сфер общественной и бизнес-сферы региона для оптимизации контактов с зарубежными партнёрами.

3.5. Методическое сопровождение межкультурной и международной коммуникации с целью повышения её эффективности, помощь администрации региона, бизнес-структурам, другим организациям и учреждениям в разработке международных проектов.

4. Русский язык в средствах массовой коммуникации. Пропаганда русского языка в средствах массовой информации.

4.1. Систематический анализ влияния средств массовой коммуникации на процесс обучения русскому языку и владения русским языком; подготовка научных публикаций по изучению тенденций влияния языка средств массовой информации на формирование речевой культуры жителей.

4.2. Подготовка обучающихся по прикладной филологии в соответствии с потребностями региона в кадрах для сферы управления, производства, образования, культуры, науки и других, требующих филологического сопровождения (в том числе коммуникабельности, грамотности, умения общаться) основной деятельности, а также специальной филологической подготовки в области массовой коммуникации (журналистике, пресс-службах и др.).

4.3. Подготовка в соответствии с потребностями региона магистров-филологов по профильной направленности «Филологическое обеспечение массовой коммуникации», разработка учебно-методического обеспечения для подготовки магистров по профильной направленности «Русский язык в поликультурной среде», «Лингвокриминалистика» и других.

4.4. Ведение специализированных рубрик о культуре русской речи в региональных печатных и электронных средствах массовой информации.

4.5. Продолжение работы Службы русского языка, направленной на привлечение жителей региона, прежде всего молодёжи и школьников к изучению русского языка, родной литературы и культуры.

4.6. Взаимодействие и поддержка деятельности в регионе Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы и Общества преподавателей русского языка и литературы по проведению общественно значимых мероприятий общероссийского и международного уровня.

5. Организация семинаров, конференций, совещаний, олимпиад для школьников и учащейся молодёжи.

5.1. Проведение ежегодных региональных олимпиад и конкурсов школьников и студентов по русскому языку, организация ежегодных мероприятий по русскому языку, литературе и культуре, приуроченных к пушкинским дням (6 июня и 19 октября) при информационной поддержке региональных СМИ и поддержке Департамента образования Ярославской области.

5.2. Участие в проведении Дня славянской письменности и культуры как интегрированного мероприятия «Территория русского слова» (24 мая) при поддержке Ярославского областного историко-архитектурного музея-заповедника и при информационной поддержке региональных средств массовой информации.

Результаты фундаментальных и прикладных исследований в областях речевой и коммуникативной культуры, предусмотренные организационные мероприятия по поддержке образовательных и социокультурных инициатив в области языковой политики, этнокультурного развития и межкультурного взаимодействия представителей разных национальностей в пространстве региона помогут обеспечить современный уровень, эффективность и комплексный характер развития социальноэкономической среды, международного сотрудничества, а также ряда направлений образовательной и научной деятельности в Ярославской области.

© А. И. Василевский, 2013

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Наименования людей по особенностям общения

А. Е. Гаврюшева

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Связь языка, мышления и действительности непосредственным образом обнаруживает себя в процессе семиозиса, в знаковом отношении наименования, где соединяются смысл (понятийные формы мышления), имя (языковая форма) и действительность (обозначаемые внеязыковые объекты). Исследовать это отношение в его динамике – значит проникнуть в средоточие семиологических процессов, постичь глубины основ речемыслительной деятельности, лежащие в исходе синтеза смысла, языковой формы и обозначаемой действительности. Познавание закономерностей номинации влечет за собой более глубокое понимание роли человеческого фактора в языке, раскрытие функционального взаимодействия всех участков системы и структуры языка, поскольку языковая техника призвана обеспечивать реализацию мыслительно-коммуникативных потребностей и намерений человека [Белецкий 1972: 21].

Языковая личность носителя диалекта, выступая как субъект этнической культуры, реализует в процессе номинации многовековой эмпирический и духовный опыт своего народа, в языковом сознании носителя диалекта закреплена определенная совокупность этнически маркированных знаний и представлений об окружающем мире.

Поэтому исследования принципов номинации в диалектах представляют особый интерес, кроме того, исследования говоров позволяют выявить предположительное состояние языка в ранние этапы его развития. Это обуславливается тем, что в лингвистических микроузлах, которые представляют собой диалекты, в большей мере сохранены языковые явления, характерные не только для современного состояния языка. Таким образом, при исследовании диалектов появляется возможность не только синхронического, но и диахронического изучения самого языка, а также выявления связей в группах генетически родственных языков. Иногда исследование на уровне микроузлов может привести к выявлению связей между языками, отдаленными как территориально, так и генетически.

По мнению В.В. Мартынова, генетическая соотнесенность двух языков свидетельствует в пользу того, что на некотором предшествующем этапе существования они составляли диалектальный континуум, в пределах которого осуществлялась нормальная языковая коммуникация. Наличие для сравниваемых языков предшествующего им диалектального континуума устанавливается путем обнаружения общих для них инноваций. Языковой союз представляет собой нечто прямо противоположное. Сближение сравниваемых языков явилось вторичным процессом, вызванным их интенсивным взаимодействием в пределах контактной зоны. В этом случае вторичность сближения исключает возможность общих инноваций в предшествующий период [Мартынов 1983: 11].

В случае исследования и сравнения русского и немецкого языков необходимо помнить о том, что они принадлежат к индоевропейской языковой семье. Однако в этом случае нельзя с полной уверенностью говорить о генетической соотнесенности из-за того, что носители языков обитали на отдаленной друг от друга территории и в разной языковой среде. В этом случае мы имеем дело скорее с языковым союзом.

Тем интереснее становятся сходства, обнаруживаемые на уровне языковой сегментации и принципов номинации при сравнении лексического материала некоторых немецких (диа-

лекты Средней Франконии) и русских диалектов (говоры Ярославской области), не являющиеся результатом заимствований или проникновений.

Критерии лексического проникновения известны. Это:

1) фонетическая субституция (совпадение определенных свойств лексемы – инфильтрация при изменении некоторых из них на базе законов заимствующего языка вследствие взаимодействия определенных языковых систем), определяемая взаимодействием фонологических систем контактирующих языков;

2) семантическая субституция, определяемая взаимодействием семантических микросистем контактирующих языков;

3) словообразовательная инновация (включая семантическое словообразование) в предполагаемом языке-источнике;

4) географическая смежность языков. Последний критерий является главным при отборе случаев, подлежащих проверке [Мартынов 1983: 7].

Лексический материал, используемый для обозначения людей по особенностям общения, в меньшей степени подвержен проникновениям, т.к. процент заимствований такой лексики при контактах и коммуникации двух носителей генетически неродственных диалектов невысок. С другой стороны, подобные обозначения характерны для обеих групп говоров.

Известно, что познавательная-классифицирующая деятельность человека, и в том числе элементарное восприятие единичного предмета, не есть пассивный, «зеркально-мертвенный» акт. «Уже любое восприятие, представление, – пишут физиологи, – несет в себе явные черты избирательной «заинтересованности», характерной для живых систем, отражающих действительность в процессе адаптивного поведения [Петрушанский 1967: 31]. Эта избирательная заинтересованность заключается в преимущественном выделении одних объектов (или одних свойств, признаков, качеств предметов) по сравнению с другими» [Панфилов 1975: 8]. Так, эмоции и оценки становятся одной из форм отражения действительности.

Следует обратить внимание на то, что при обозначении людей в ярославских диалектах преобладает отрицательная оценка качеств, проявляемых языковой личностью в коммуникативном акте, такие наименования составляют 77 % из общего количества номинаций, нейтральных обозначений всего 5 %. Ниже приведены некоторые примеры наименования людей в ярославских диалектах и диалектах Средней Франконии [Ярославский областной словарь 1981–1990; Wörterbuch von Mittelfranken 2001]:

болтливый (*говоруша, громотуха, длинноязыкий, додон, дудора, дудука, егоза, забая, зазнай, калякало, лалыка, ляча*);

грубый (*браниха, выворотень, гагарма, долгозубый, едох, езон, лядок, съедуций*; соответствующий ряд в диалектах Средней Франконии – *grantig, blutsnarret, donnerschlächtig, hartnarrig, kreuznaret, nissig, pudelnarret, beißig*);

лживый (*вихлястый, враля, завируха, заливака, заливоха, зальга, калика, калыган, лицемерник*).

бойкий на язык (*ветляный, выдирало, гагарма, долготышный, краснотышный, круговой, литвяный, лясник*, при обозначении женщин – *звездена, колотовка, вертячка, взмутня, лебезда, лицедейка, лопотушка*);

ворчливый (*воркун, грыжа, грызло, зудило, истощка, клохтунья*, обозначение ворчливой женщины – *дрызгуша, каркуша*, соответствующий ряд в диалектах Средней Франконии – *unselig, muffelet, munkisch*);

вспыльчивый (*всполох, дрязга, здорный, дряшиной, крикуша, лютый, лязга*);

тот, кто говорит тихо и застенчиво (*дикуша, гуня, вожевастый*);

лстец (*егоза, лабзырья, лебеза*).

Как видно, лишь небольшое количество сем с подобными значениями совпадает в обеих группах диалектов. В говорах Средней Франконии больше нейтральных обозначений (48 %) или обозначений с положительной коннотацией (*спокойный, вежливый*).

Небольшое количество наименований посвящено обозначению людей по особенностям речи:

человек, который плохо говорит (*гуmozник, дудука, жвака, каракоша, ладило, лалака*);
ребенок, который плохо говорит – *вякун*.

Были выявлены семы, общие для обоих диалектов. Например, в ярославских говорах грубый человек – *долгозубый*, в диалектах Средней Франконии – *beissig*.

Ворчун: *клохтунья* – *munkisch*.

Задира: *вожсеватый* – *zornig*.

Тот, кто говорит тихо, неотчетливо: *гуня* – *stüt*.

Ребенок, который плохо говорит: *вякун* – *Quackerer*.

Тот, кто часто жалуется: *гнида* – *knautschig*.

В структуре семантического поля характерны некоторые системные отношения. Так, например, в ярославских говорах обозначение приветливого (*ласкословный*) противопоставляется обозначению грубого человека (*браниха*), бойкий на язык (*выдидало*) – молчаливому человеку (*бутуз*).

Известно, что предметом обозначения номинативных знаков являются в том числе объекты внеязыковой действительности. Последние можно считать относящимися к квалификативным сферам познавательной деятельности человека. Здесь можно выделить следующие подгруппы обозначений людей:

1) эмоционально-чувственное восприятие и квалификация, в основе которых лежит непосредственное переживание, например, бранные существительные при обозначении людей (*гнида* – всегда недовольный человек, тот, кто часто жалуется), субъективно-оценочные прилагательные (*лютой, grantig, дрязга*);

2) рационально-оценочная квалификация, в основе которой лежит интеллектуальная оценка (сюда относится большое количество обозначений людей в диалектах Средней Франконии);

3) чувственно-образное восприятие и квалификация, в основе которой лежит «скрытое» (интеллектуальное и чувственное) сравнение (*beißig, едоха, гагарма*).

В ономастических и топонимических работах, предметом анализа которых являются закономерности называния в различных группах лексики, сложилось понятие типа мотивировочных признаков в плане их содержания, выделяемого в тематической группе слов и характеризующего отдельные стороны выражаемого этой группой класса предметов. За этим понятием закрепился термин принцип (иногда: способ, мотив, разряд) номинации.

В результате исследования было отмечено несколько примеров сходства мотивации номинации в обоих говорах, в основном касающихся обозначения людей по особенностям общения:

Beißig (*beißen* – кусать) – *едоха, съедающий* (злой, язвительный);

Здесь же: *beißig* – *долгозубый* (грубый человек);

Donnerschlächtig (*Donner* – гром, *schlagen* – бить) – *всполох* (вспыльчивый);

Quackerer (*quackeln* – болтать вздор) – *вякун* (ребенок, который плохо говорит);

Zornig (*Zorn* – ярость) – *лютой* (язвительный человек);

Muffel (*muffeln* – ворчать) – *бутуз* (где *бутуз* обозначает также ворчливого человека) – человек необщительный, молчаливый.

Grantig (ворчливый) – *браниха, дрязга* (язвительный человек). В данном случае происходит перенос наименования: *дрязга* обозначает также ворчливого, брюзгливого человека.

На основе данного лексического материала были выявлены некоторые другие семантические явления, например, многозначность.

Так, *гагарма* обозначает не только бойкого на язык, но и злого человека. Встречается перенос наименования с животного на человека: *гагарма* – любая птица, издающая громкие звуки, а также бойкий на язык человек, *клохтунья* – курица, а также ворчун.

Как показывает анализ собранного материала, и на уровне языковой сегментации, и на уровне принципов номинации можно выделить как сходства, так и различия. Различие в процессе номинации сводится в основном к различию языковой сегментации и принципов номинации (семантическая мотивация номинации). Выявленные совпадения мотивации номинации базируются прежде всего на человеческом факторе (совпадения оценочных квалификаций и мыслительных процессов) и только во вторую очередь зависят от непосредственного взаимодействия языков.

Литература

- Белецкий А.А. Лексикология и теория языкознания (Ономастика). – Киев, 1972.
- Булыгина Т.В. Особенности структурной организации языка как системы и методы ее исследования. – М., 1991.
- Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций. Языковая номинация. Общие вопросы. – М., 1977.
- Жирмунский В.М. История немецкого языка. – М., 1978.
- Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М., 1975.
- Мартынов В.В. Славяно-германское лексическое взаимодействие. – М.: Наука, 1983.
- Мартынов В.В. Язык в пространстве и времени. – М.: Наука, 1983.
- Маслова-Лашанская С.С. О процессе наименования // Скандинавский сборник. – Вып. XVIII. – Таллин, 1973.
- Панфилов В.З. Язык, мышление, культура // Вопросы языкознания. – 1975. – № 1.
- Петрушанский С.А. Диалектика рефлексивных процессов. – М., 1967.
- Серебренников Б.А. К проблеме сущности языка // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М., 1970. – С. 9–93.
- Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Виды наименований. – М., 1977.
- Телия В.Н. Номинация // Энциклопедический лингвистический словарь. – М., 1990. – С. 336–337.
- Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. – М., 1986.
- Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. – М., 1968.
- Ярославский областной словарь: В 10 т. – Ярославль: Изд-во Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, 1981–1990.
- Wörterbuch von Mittelfranken. – Königshausen & Neumann, 2001.

© А. Е. Гаврюшева, 2013

К вопросу о феминизации названий профессий во французском и русском языках

(на примере наименований медицинских специальностей)

Ю. Г. Карабардина, Ю. В. Ветров, Т. А. Лепехина

Ярославская государственная медицинская академия

В последнее время возрос интерес исследователей к изменениям в языке, связанным с эволюцией общественного и профессионального статуса современной женщины. При этом эти изменения исследуются не только лингвистами, но и учеными в области социологии, политологии и философии, занимающимися вопросами гендера и гендерной политики государств, неотъемлемой частью которой является политика языковая. Так, сторонники феминистской критики языка утверждают, что неравномерная представленность в языке лиц женского и мужского пола (с явным преобладанием последних) ведет к искажению осознания роли, которую играют женщины в обществе, и формирует тем самым неверное представление о доминирующем положении одного пола над другим. Особенно это касается профессиональной, научной и политической сфер.

По наблюдениям Е. В. Кашпур и И. Н. Николаевой, в настоящее время в российском обществе гендерная асимметрия профессиональных наименований не осознается как проблема. В русской разговорной речи в случае необходимости происходит стихийное снятие гендерной асимметрии с помощью словообразовательных и других средств, способных выражать женский род одушевленных имен существительных [Кашпур 2005: 2]. При этом носитель русского языка (в отличие от представителей, например, американской или европейской культуры), как правило, не стремится противопоставить мужской и женский труд, поэтому признанные словарями нейтральными такие слова, как «*курсантка*», «*лаборантка*», «*дантистка*», не пользуются предпочтением [Николаева 2010: 96].

Система суффиксального образования форм женского рода в русском языке на настоящий момент не является продуктивной для создания новых женских наименований профессий. Во-первых, она не учитывает стилистически окрашенных соответствий типа «*врачиха*», «*секретарша*», «*директорша*» и т. п., которые вызывают ассоциации как с традиционными в русском языке названиями жен мужей «низшего звания», так и с современными названиями самок животных («*слониха*», «*зайчиха*» и т. п.). Во-вторых, слова подобного рода могут указывать как на обозначение жены по мужу, так и на профессию женщины, что создает двусмысленность. В-третьих, в некоторых случаях суффиксальное образование формы женского рода невозможно из-за того, что «семантическое место» оказывается уже занятым словом с совершенно иным значением («*пилот*» – «*пилотка*»; «*электрик*» – «*электричка*» и т. п.) [Розенталь 1987: 120].

Следует отметить, что в сфере медицинских наименований в русском языке преобладают существительные мужского рода для обозначения врачей-специалистов («*терапевт*», «*хирург*», «*окулист*» и т. п.), в то время как в обозначении лиц среднего и младшего медицинского персонала традиционно преобладают существительные женского рода («*анестезистка*», «*медсестра*», «*санитарка*», «*сиделка*»); интересно, что существительное «*медбрат*» появилось в русском языке позже и может служить примером обратного процесса, а именно явления маскулинизации в развитии профессии.

Традиционно существительное женского рода в русском языке обозначает лицо женского пола, а в обозначениях лиц (а не характеристиках его) невозможны формы женского рода при-

менительно к мужчинам. Как отмечает И.Ю. Николаева, это действительно более редкое явление, но все-таки не невозможное: например, когда исторически женские профессии осваиваются мужчинами («*доярка*» – «*дояр*» или «*оператор машинного доения*»; «*натурищица*» – «*натурищик*»; «*балерина*» – «*танцор балета*» или «*балерун*»; «*манекенищица*» – «*манекенищик*») [Николаева 2010: 97]; что касается последнего примера, интересно отметить, что во французском языке с самого начала для обозначения лиц этой сугубо женской профессии использовалось существительное мужского рода – «*un mannequin*».

Таким образом, в русском языке процесс феминизации наименований лиц по профессии происходит стихийно и затрагивает в основном разговорный слой языка; в литературном же слое указание на женский пол осуществляется чаще аналитически, при помощи синтаксического контекста. В любом случае русский язык находит тот или иной способ снятия гендерной асимметрии (начиная с детского «*воспитательница*», «*учительница*», «*водительница*»), не предпринимая для этого сознательных усилий и не создавая из этого проблему, которую требовалось бы решать на уровне языковой политики государства. Более того, гендерные исследования в целом воспринимаются в российском обществе как проявления феминизма, который часто расценивается у нас в стране как явление, некритически привнесенное с Запада и не свойственное российским традициям, а потому воспринимается иронически и подвергается насмешкам.

Иная ситуация наблюдается во франкоговорящих странах – Франции, Бельгии, Швейцарии и Канаде, в общественном сознании которых присутствует понимание того, что коррективировка гендерной асимметрии в наименованиях профессий способствует стабилизации общественных отношений. Исследователь М.С. Миретина выделяет несколько вариантов подхода к решению проблемы феминизации во французском языке: «консервативный» (во Франции и Бельгии), «креативный» (в Швейцарии) и «прагматический» (в канадском Квебеке) [Миретина 2011].

Во Франции специально созданная Комиссия по феминизации рекомендует использование традиционных методов в образовании форм женского рода там, где они могут быть применены (например, слово *banquier* даст в женском роде *banquière* по модели *ouvrier – ouvrière*), а также рекомендует сокращать количество исключений, закреплённых в употреблении. И хотя Французская Академия не всегда принимает эти изменения, официальные документы и пресса свидетельствуют о том, что французская языковая политика поддерживает феминизацию наименований профессий, должностей, титулов и званий.

На территории Французского Сообщества Бельгии феминизация названий профессий, должностей, титулов и званий происходит интенсивней, несмотря на соседство и значительное влияние нидерландского языка фламандской части Бельгии. С каждым годом растёт число женщин, занимающих государственные и административные посты, работающих на предприятиях, что находит свое отражение в языке. Тем не менее рекомендации Комиссии по феминизации Бельгии тоже нельзя назвать революционными: они больше опираются на консервативные правила, предложенные Комиссией по феминизации Франции, чем на прагматичный метод Квебека.

В Швейцарии Комиссией по феминизации был выбран «креативный» подход, включающий в себя переформулировку официальных текстов и циркуляров (вместо *les enseignants* предпочтительнее сказать *le corps enseignant*), использование нейтральных слов, где пол не имеет значения (например, при приёме на работу, вместо того, чтобы уточнять должность нанимающего на работу, можно назвать его *un employeur* (работодатель), или же употребление слов общего рода, различающихся только по роду детерминатива. Предпочтение также отдаётся совместному употреблению форм существительных мужского и женского родов (*les instituteurs et les institutrices*).

В отличие от других франкоязычных стран, Комиссия по феминизации Квебека, наоборот, стала использовать прагматический подход, который утверждает и закрепляет новые употребления и увеличивает количество исключений, а не обобщает традиционные способы образования форм женского рода. Так, правило, согласно которому показателем женского рода является добавление окончания *-e* к форме существительного мужского рода, было обобщено, и окончание *-e* стало добавляться даже к тем словам, к которым раньше не добавлялось (*une professeure, une écrivaine*); по этому же правилу, к существительным мужского рода на *-teur* тоже стало добавляться окончание *-e*, что давало форму женского рода на *-teure* (*une auteure, une metteure en scène*).

В современных исследованиях французских ученых (А. – М. Houdebine, R. Lacoff, С. L. Schmid, M. Yaguello) [Миретина 2011] подчёркивается необходимость принимать во внимание то обстоятельство, что французский язык сегодня не является собственностью только Франции и по-разному может развиваться в различных франкоговорящих регионах. Некоторые неологизмы в сфере феминизации вызывают значительные споры, наиболее же реальное отражение положения дел в действительности дает пресса.

Существующие национально-территориальные варианты французского языка Франции, Бельгии, Швейцарии и Квебека представляют собой подмножества множества французского языка в целом: несмотря на то, что между ними есть различия в основном на уровне языка, на уровне речи эти различия нивелируются и не имеют статистического характера. Существование единого франкоязычного пространства, в котором носители языка руководствуются принципом аналогии, а не рекомендациями учёных-филологов, обеспечивает взаимопонимание франкофонов и устойчивость этой языковой системы.

Авторами настоящей статьи было проведено сопоставительное исследование способов образования женского рода наименований лиц медицинских профессий во французском языке путем сплошной выборки из справочных изданий, предложенных Комиссиями по феминизации Франции [Femme, j'écris ton nom... 1999] и Бельгии [Mettre au féminin. 2005] в качестве руководства по образованию и употреблению форм существительных женского рода в обозначениях профессий, титулов и званий.

По способу образования наименования профессий во французском языке в сфере «научная деятельность» (и в частности, в области медицины) можно отнести к двум основным подгруппам: а) профессии, гендерные различия которых представлены только аналитическим способом в связи с тем, что они оканчиваются на *-e* и форма наименования не меняется независимо от представителя профессии: *une oncologue, une oculiste, une pathologiste*; б) профессии, женские наименования которых образуются агглютинативным способом, претерпевая некоторые графические и фонетические изменения: *une pharmacienne, une réanimatrice, une obstétricienne*. При этом существительное *médecin* («врач») не относится ни к одной из этих групп, т.к. не может образовывать формы женского рода по той же причине, что и русское «пилот» и «электрик» – «семантическая ниша» соответствующей формы женского рода уже занята существительным «*médecine*» («медицина») с другим значением.

Наблюдения за образованием форм женского рода для обозначения врачей-специалистов, среднего и младшего медицинского персонала показали, что чем выше занимаемый профессиональный и должностной статус, тем менее родовые различия отражаются формально. Как и в русском языке, для обозначения врачей-специалистов во французском языке употребляются в основном слова мужского рода на *-logue*, этимологически непосредственно восходящие к латинским словам на *-logus* с окончанием мужского рода – *us*: *pneumologue m,f*, *gastroentérologue m,f*, *gynécologue m,f*, *phlébologue m,f*, *podologue m,f*, *néphrologue m,f*, *neurologue m,f*, *mycologue m,f*, *oncologue m,f*, *parasitologue m,f*, *cancérologue m,f*, *sexologue m,f*, *rhumatologue m,f*, *toxicologue m,f*. Вместе с тем некоторые наименования врачебных специальностей были либо заимствованы из английского языка, либо сформированы по анало-

гичной словообразовательной модели и имеют конечный элемент **-logiste**: *otorhinolaryngologiste m,f*, *pathologiste m,f*, *odontologiste m,f*, *traumatologiste m,f*, *cytologiste m,f*, *histologiste m,f* или **-iste**: *dentiste m,f*, *orthodontiste m,f*, *orthopédiste m,f*, *orthophoniste m,f*, *oculiste m,f*, *kinésiste m,f* (бельгийский вариант для французского *kinésithérapeute m,f*), *généraliste m,f*.

Примечательно, что некоторые медицинские специальности имеют параллельные наименования, применимые как для мужского, так и для женского рода: *stomatologue m,f* – *stomatologiste m,f*; *radiologue m,f* – *radiologiste m,f*, *laryngologue m,f* – *laryngologiste m,f*, *léprologue m,f* – *léprologiste m,f*; *virologue m,f* – *virologiste m,f*, *ophtalmologue m,f* – *ophtalmologiste m,f*, *urologue m,f* – *urologiste m,f*. В любом случае от этих существительных нельзя суффиксальным способом образовать соответствующую форму женского рода, но в современном французском языке они легко сочетаются с детерминативами женского рода, подобно другим существительным, которые изначально считались обозначающими исключительно лиц мужского пола.

Что касается наименований лиц среднего и младшего медицинского персонала, то в большинстве случаев женский род этих существительных легко образуется, следуя правилам грамматики, суффиксальным способом: *infirmier m* – *infirmière f*; *brancardier m* – *brancardière f*, *masseur m* – *masseuse f*; *thanatopracteur m* – *thanatopractrice f*; *soignant m* – *soignante f*; *opticien m* – *opticienne f*; *laborant m* – *laborante f*; *laborantin m* – *laborantine f*, *laveur m* – *laveuse f*; *hospitalier m* – *hospitalière f*; *guérisseur m* – *guérisseuse f*. Это объясняется, по всей видимости, тем, что традиционно эти функции выполнялись женщинами, поэтому и названия некоторых специальностей (*nourrice f*, *esthéticienne f*, *cosméticienne f*) могут иметь форму мужского рода чисто теоретически, и если это произойдет, то мы станем свидетелями обратного процесса – маскулинизации в наименовании профессий.

Так или иначе, с развитием общества и появлением новых профессий язык порождает новые слова и новые формы, и независимо от того, будет ли это происходить стихийно или навязываться сверху языковой политикой государства, победят ли сторонники или противники феминизации, только время и опыт покажут, насколько то или иное новое слово окажется жизнеспособным и утвердится в языке.

Литература

Кашпур Е.В. Сопоставительное исследование наименований лиц по профессии и социальному статусу во французском и русском языках: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. – М., МГЛУ, 2005.

Миретина М.С. Феминизация названий профессий, должностей, титулов и званий на материале франкоязычной прессы (Франция, Бельгия, Швейцария, Квебек) [Электронный ресурс] // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2011. – №130. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/feminizatsiya-nazvaniy-professiy-dolzhnostey-titulov-i-zvaniy-namateriale-frankoyazychnoy-pressy-frantsiya-belgiya-shveytsariya> (дата обращения: 24.02.2013).

Николаева И.Ю. Наименования лиц женского пола по профессии, должности в гендерном аспекте // Вестник МГОУ. Сер. «Русская филология». – 2010. – № 3. – С. 94–98.

Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. – М., Высшая школа, 1987.

Femme, j'écris ton nom... Guide d'aide à la féminisation des noms de métiers, titres, grades et fonctions. – Paris, La Documentation française, 1999.

Mettre au féminin. Guide de féminisation des noms de métier, fonction, grade ou titre. – 2e édition. – Bruxelles, 2005.

© Ю. Г. Карабардина, Ю. В. Ветров, Т. А. Лепехина, 2013

Ценностные параметры лингвоэкологического общения

В. И. Карасик

Ярославский государственный университет им П. Г. Демидова

Лингвоэкология – новое измерение социолингвистики, его предмет изучения – сохранение жизнеспособности языка, понимаемого как своеобразная окружающая среда человечества. Такая адаптация традиционных проблем экологии к науке о языке представляется вполне закономерной. В течение долгого времени язык осмысливался как живой организм, затем – как системно-структурное образование, т. е. как сложный инструмент, затем – как дом бытия с присущими этому дому этнокультурными особенностями архитектуры. Каждая из объяснительных метафор имеет право на существование. Лингвоэкология в этом плане является возвращением к пониманию языка как живого организма, который может болеть, которому могут угрожать различные силы, который нуждается в помощи. Соответственно, нужно определить следующие моменты: 1) что можно считать показателями языкового здоровья, 2) что может угрожать языку, 3) что можно рассматривать как загрязнение языка, или его болезнь, 4) в чем состоит помощь языку, или его сохранение.

Прежде чем охарактеризовать язык как здоровый организм, т. е. как нормально функционирующее образование, находящееся в балансе и взаимообмене с внешней средой, определим, что получает язык от внешней среды и что отдает этой среде. При всей условности данного сравнения можно признать, что внешней средой по отношению к языку (имеется в виду язык как средство общения) является культура, в рамках которой существует язык. Соответственно, язык получает от культуры систему потребностей существования человеческого общества как огромного распределенного организма, перерабатывает эти потребности в смысловые кванты, получающие знаковое выражение, и в свою очередь передает культуре упакованный опыт в виде слов, словосочетаний, высказываний, текстов, речевых жанров и типов дискурса. Общим местом в лингвистике является тезис о многоуровневом и многоаспектном строении языка. Одним из возможных аспектов рассмотрения языка может быть его социально-функциональная специфика: можно выделить три модуса существования языка – бытовой, институциональный и духовный. Бытовой модус существования языка сводится к обеспечению витальных потребностей индивида, его типичным проявлением является общение с близкими и друзьями, он является древнейшей и генетически исходной разновидностью языка, существует в устном виде, его инструментарий весьма ограничен, его основные функции состоят в воздействии, осуществлении практического действия и поддержании эмоционального контакта, этим модусом языка по определению владеют все члены общества. Институциональный модус существования языка представляет собой обеспечение существования социума в его функциональных системах – политической, военной, образовательной, медицинской, научной, массово-информационной и т. д. Типичным проявлением этого модуса является профессиональное общение (общение профессионала с коллегами и непрофессионалами), такая коммуникация осуществляется устно и письменно, ее инструментарий достаточно детально разработан, его основные функции – выполнение ритуалов, организационная презентация и обмен информацией, этим модусом языка в разной степени владеют многие члены общества в своей сфере деятельности. Духовный модус существования языка состоит в самореализации человека как личности и проявляется в художественном творчестве, саморефлексии и игре. Такая коммуникация часто принимает форму автокоммуникации, по Ю.М. Лотману, осуществляется большей частью письменно, ее инструментарий весьма обширен и требует постоянного обновления, ее основные функции – самовыражение, креативность и самопонимание [Лотман 1973]. Из сказанного следует, что показателями языкового здоровья во всех модусах существования языка

могут считаться соответствия коммуникативной практики основным функциям языка, а нарушениями такого здоровья – отклонения реальной коммуникации от выполнения ее функций.

В современной филологии и публицистике часто обсуждаются темы засорения русского языка лишними заимствованиями и резкого увеличения количества вульгаризмов в речи. Позиции авторов по этим вопросам сводятся к эмоциональной констатации кризиса, в котором пребывает язык, говорят даже о том, что точка невозврата пройдена, с одной стороны, и скептическому отношению к такому положению дел, с другой стороны. Например, Д.Б. Гудков, Е.Ю. Скороходова и М.Н. Эпштейн приводят обоснованные данные о лавинообразном англоязычном вторжении новых слов и грамматических конструкций в русский язык, это сопровождается сокращением использования собственных словообразовательных ресурсов языка [Гудков, Скороходова 2010; Эпштейн 2006]. М.А. Кронгауз в своей известной монографии «Русский язык на грани нервного срыва» приводит доводы в пользу того, что такой кризис не угрожает основам языка [Кронгауз 2009]. Более опасным положением, по мнению В.В. Колесова, является фактический отказ от высокого речевого регистра, сведение всех стилевых разновидностей языка к разговорно-обиходному общению [Колесов 1998].

Такая ситуация свойственна не только русскому языку. С. Пинкер говорит о том, что и английский язык переживает кризисное состояние, видоизменяясь до неузнаваемости, и для современных рефлектирующих носителей языка такая трансформация выглядит как потеря важнейших культурных ценностей [Пинкер 2004]. Вместе с тем подобная реакция части общества на изменение языкового вкуса [Костомаров 1994] естественна и обычна: это похоже на сетования пожилых людей о том, что молодежь испортилась. Такие замечания встречаются еще в древнеегипетских папирусах.

Принимая во внимание существенное воздействие массовой культуры на сознание наших современников и, соответственно, на их коммуникативную практику, отметим, что массовая культура стремится нивелировать личностное своеобразие людей, формируя единые запросы и паттерны поведения, направлена на понижение рациональной критичности в обществе, способствует росту спонтанных эмоциональных всплесков. Сюда относятся все проявления поведения толпы, по Г. Лебону [Лебон 1995].

Важнейшими признаками влияния массовой культуры на коммуникативное поведение являются деформация концептов – резкое сокращение понятийной составляющей в кванте переживаемого знания, размывание образной составляющей концепта и гипертрофия его эмоционально-оценочного содержания, которое вырождается в моментальную реакцию на некий стимул. Параллельно и в связи с этим происходит резкое сворачивание количества слов в индивидуальном лексиконе. Такое изменение концептов, возникновение их специфических эрзацев, которые можно терминологически обозначить как эпиномы – кванты поверхностного эмоционально искаженного знания, и процессы девербализации составляют важную отличительную особенность современной массовой культуры [Карасик 2010].

Если соотнести угрозы языку с модусами его существования, то можно установить и диагностировать типичные нарушения функций соответствующих языковых модусов.

Общение в бытовой сфере индексально, слова сопровождают действия, многие речевые проявления осуществляются рефлекторно и подкрепляют паравербальное поведение. Ю. Хабермас выделяет практически ориентированное действие как важнейший и самый частотный тип социальных действий [Habermas 1984]. Пример симпрактических речевых проявлений – широкое использование указательных слов, замещающих как предметы, так и всю референтную ситуацию: *Я это, а вы тут вон чего!* Подобные фразы вне контекста принципиально не поддаются интерпретации. Такие речения являются функциональными эквивалентами междометий. Класс междометий и близких им языковых образований – междометных эквивалентов, пустоговорок (бессмысленных речений, используемых для заполнения пауз) и изглашений

(термин М. Я. Блоха – алогичных высказываний, не поддающихся рациональной интерпретации) – относится к древнейшим коммуникативным единицам.

Мы говорим о нарушении баланса в бытовом общении в том случае, если этот класс единиц начинает замещать все другие классы языковых единиц. Происходит сворачивание языковых средств – языковая инволюция, возвращение языка к своему древнейшему состоянию, для которого характерно незначительное число знаковых образований с предельно широким значением, привязанным к конкретной ситуации. Таковы многие жаргонные и сленговые образования. Фраза *Mike is an article* – «Майк – тот еще фрукт» – выражает эмоциональное отношение к определенному субъекту и может содержать как его отрицательную, так и положительную оценку. Лексические единицы в случае инволюционной трансформации осмысливаются произвольно: «*Ваши кредо?*» – «*Всегда!*» (Ильф и Петров).

Борьба за существование неизбежно принимает форму прямой или скрытой агрессии, в том числе и речевой. В языке выработан класс инвектив – коммуникативных единиц, используемых для этой цели. К инвективам относятся оскорбления, проклятья, дразнилки, насмешки, унижающие эмблемы, в том числе жестовые. Сильным инвективным потенциалом обладают лексические и фразеологические единицы, называющие и характеризующие запретные для наименования референты – сакральные объекты, физиологические отправления, интимные сферы поведения и т. д. Коммуникативная природа инвективных единиц, прототипным классом которых являются вульгаризмы, детально охарактеризована в работах В.И. Жельвиса [Жельвис 2001]. Анализ этих единиц показывает, что они относятся к древнейшему пласту исконной лексики, исторически возникают как превращение сакральных объектов в профанные, выполняют функции «выпускания пара», изменения статусных отношений, сокращения коммуникативной дистанции, принуждения адресата к определенным действиям. В ответ на вербальную агрессию появляются аналогичные инвективы, либо физические действия, либо шутки. Простейшей формулой инвективного диалога является парирование: «*Ты – дурак!*» – «*Сам ты дурак!*».

В определенных лингвокультурах, например, у афроамериканских подростков, выработано своеобразное искусство обмена оскорблениями на большой скорости. Вырождение вульгаризмов приводит к тому, что они начинают использоваться в качестве заполнителей пауз, при этом их эмоциональный заряд резко снижается, и их употребление свидетельствует о том, что говорящий показывает своим и чужим, что не намерен придерживаться каких-либо внешних правил приличного поведения и готов к агрессии в отношении тех, кому такое поведение не нравится.

Знаком нашего времени является фактическое снятие запретов на использование вульгаризмов в тех сферах, где до недавних пор подобные единицы не появлялись – в общении между мужчинами и женщинами, в речи женщин и детей. Наличие вульгаризмов превратилось в эмблематический знак обычного нормального общения между равными. Поскольку любая коммуникативная ситуация в жанровом плане сориентирована на некое прототипное событие, то в качестве такого прототипного события в обиходном общении выступает диалог между бандитами. Иначе говоря, возрастание агрессивности в общении свидетельствует о криминализации сознания значительной части общества. В криминальном сообществе действует приоритет грубой силы. Таким образом, сведение различных форм эмоционального контакта в общении к демонстрации силы является одним из факторов дегенерации человеческого сообщества, в том числе и в лингвоэкологическом плане.

В институциональном общении деформация языка проявляется как формализация функций социального института. Информирование адресата утрачивает релевантность. Запрашиваются сведения, не имеющие отношения к функционированию института, выносятся непрофессиональные суждения, замещаются типы дискурса и в целом происходит жан-

рово-стилевая инволюция общения – его возвращение к сниженно-обиходной сфере коммуникации.

Социальный институт нуждается в постоянных ритуалах, подчеркивающих идентичность его членов. Таковы производственные собрания различного плана, на которых обычно решаются вопросы, имеющие отношение к практической деятельности соответствующего профессионального сообщества, но вместе с тем подтверждающие принадлежность коммуникантов к данному институту, неизменность его иерархической структуры и его ценностей. Ситуация институционального кризиса отражена в известной сказке о платье голого короля. Участники общения ведут двойную игру – они видят, что положение дел не соответствует реальности, но делают вид, что не замечают этого. Формализация общения неизбежно выливается в обман и самообман. Возникают различного рода штампы публичной самопрезентации, и в определенных социальных институтах соответствующие штампы прочитываются как индикаторы реального положения дел. Например, в коммюнике о встрече высокопоставленных дипломатов сказано следующее: *«Стороны подчеркнули важность ведения дальнейших переговоров по ряду спорных вопросов с тем, чтобы ликвидировать препятствия на пути к достижению соглашения»*. Эта фраза означает, что переговоры не привели к достижению договоренности и стороны остались на прежних позициях.

Понятно, что в деятельности социальных институтов возможны различные проблемы, возникающие из-за разнонаправленных векторов общественных интересов. Акцентирование единодушия и эмоциональное подчеркивание поддержки политики руководства является, по наблюдениям В. Клемперера, признаком тоталитарного общества, для которого характерны такие коммуникативные индикаторы, как восклицательная интонация, «проклятие суперлатива» («*всемирно-исторические достижения*») и иронические кавычки и их субституты («*так называемые «обличители пороков» показали свое истинное лицо*») [Клемперер 1998].

Бюрократизация общения свидетельствуют о том, что реальное функционирование социального института переживает кризис. Такая бюрократизация выражается в виде «деревянного языка», по П. Серию (это словосочетание, кстати, использовалось в качестве заголовка в статье Е. Воровьева в советском журнале «Смена» № 319, 1939 г.). Журналист иронически комментирует бюрократические обороты в речи комсомольского работника:

Заманчивая прогулка на лодках была вдруг окрещена Сухариковым на канцелярский манер. В объявлении, которое комсорг вывесил у входа в цеховую столовую, значилось:

«Организовано проведем массовое лодочное мероприятие. Сбор лиц, желающих культурно провести свой досуг, на пристани в 11 часов утра».

Так и представляется после этого объявления, что в каждую лодку будут погружены небольшая переносная трибуна и графин с водой для докладчика. Председательский колокольчик будет звенеть над водной гладью, а высказываться вслух о закате будет разрешено только в прениях, в порядке живой очереди...

Ключевым словом бюрократа является «мероприятие», т. е. запланированное событие, которое является значимым для отчетности. Формализация институционального дискурса неизбежно сводится к количественным показателям, поскольку они легко обрабатываются и превращаются в знаки, замещающие любые реальные объекты. Участниками казенно-канцелярского дискурса являются лица (человек как член общества, представитель какого-либо социального слоя – БТС). В этом юридическом представительском значении слово «лицо» антонимично слову «личность», в котором акцентируются уникальные характеристики человека. Требуется комментарий и слово «культурно» в данном контексте: в Большом толковом словаре под ред. С.А. Кузнецова (БТС) отмечается, что прилагательное «культурный» имеет производное значение «*находящийся на высоком уровне культуры*», и в качестве типичного словосочетания приводится «*культурный отдых*» (БТС). Такое словоупотребление было идео-

логически маркированным: граждане, разделяющие коммунистическое мировоззрение, ведут себя культурно, а остальные, т. е. отсталое население, проводят свой досуг некультурно.

Далее в цитируемой статье приводится следующий пассаж:

Однажды секретарь заводского партбюро поинтересовался, бывает ли Сухариков в театре.

– Ну, конечно, бываю, – поспешил заверить секретаря наш знакомец. – Только на днях лично смотрел пьесу «Мать».

Эмблематичным для бюрократического общения является слово «лично», весьма частотное в отчетах о проведенных мероприятиях. У этого слова появляются особые обертоны, если речь идет о высшем должностном лице государства:

Настоящая, позитивная критика имеющихся недостатков и упущений ничего общего не имеет с критиканством, ибо трезвый и обстоятельный анализ всегда способствовал и способствует успеху дела. Этому ленинскому положению мы обязаны быть верны всегда и во всё. Именно так ставят вопрос наша партия, ее ленинский Центральный комитет, политбюро ЦК и лично товарищ Л. И. Брежнев (Д. А. Кунаев, интервью. «Огонек». № 45. 1973).

Политическая риторика эпохи Л.И. Брежнева отличалась величавым спокойствием. Это выражалось в четком позиционировании иерархии общества: народ – партия – Центральный комитет – Политбюро – Генеральный секретарь – Ленин как символ государства. Слово «лично» выступает как индикатор сакральной позиции высшего руководителя страны. Нельзя не заметить регулярных уточняющих повторов в приведенном тексте: «*настоящая, позитивная*», «*недостатков и упущений*», «*трезвый и обстоятельный*», «*способствовал и способствует*», «*всегда и во всем*». Нарастающая сила музыкального звучания – крещендо – отчетливо прослеживается в перечислении властных структур страны. Отметим, что в риторическом плане перед нами красиво построенный сбалансированный текст, архитектура которого ассоциируется с канонами религиозного дискурса. Вырождение такого текста приводило к появлению штампов.

Деформация языка в духовном общении проявляется как замещение этого общения его низкопробными копиями. Если ключевой функцией духовного общения является самовыражение, то видимость самовыражения – это заимствование, чужая речь вместо собственной. Это серьезная проблема всего мирового сообщества, а не только нашей страны. В академической, научной и художественной сферах общения такое коммуникативное поведение квалифицируется как плагиат. Распространение электронной формы передачи информации резко облегчает копирование чужих текстов. Размещение авторских текстов в открытом доступе провоцирует недобросовестных людей брать фрагменты этих текстов и выдавать их за свои. Защита таких текстов с помощью паролей и ограничения доступа к информации лишь частично спасает положение.

В сфере художественного творчества плагиат менее распространен, чем в других типах дискурса – отчасти потому, что научные и академические тексты в наше время стали массовым продуктом, а художественные в определенной мере сохранили свою уникальность или видимость уникальности. Существуют особые художественные жанры, состоящие в комбинировании существующих текстов – пастиш и римейк. Кроме того, авторское самовыражение может осуществляться в пародировании существующих текстов либо их переводе на другой язык.

Определить долю творческого содержания в том или ином художественном тексте весьма сложно. Так, например, автор может воспользоваться существующим сюжетом, не скрывая исходного текста, как это сделал Т. Манн в романе «Иосиф и его братья», или предложить свое развитие исходного сюжета, комментируя его, как это сделал М.А. Булгаков в романе «Мастер и Маргарита». В таких случаях нет оснований для того, чтобы говорить о профанизации исходного текста и деформации коммуникации. Спорным моментом для квалификации того или иного произведения как эрзаца является и ремесленный текст, например, в жанре дидактиче-

ской мнемонической рифмовки или скороговорки. Граница между креативным и рутинным текстом весьма подвижна, и критерии для отнесения того или иного коммуникативного произведения к художественному либо какому-то другому дискурсу субъективны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.